

Боюсь, что в кинокритике нет еще таких слов, которыми можно было бы адекватно оценить и описать этот щемящий, надсадный, металлически звучащий фильм «Лимита». Лучше было бы до времени отмолчаться, пока кинословарь не пополнится новыми понятиями. Но самым фактом своего существования фильм принуждает выговориться, хотя бы и приблизительно.

Лет пятнадцать назад два провинциала приехали покорять Москву. Примерно тогда же появился точный и оскорбительный в своей точности термин — лимита. Стройки, дворнички, автозаводы, хлебопекарни, милицеские околотки до отказа заполнились странными людьми с затравленными взглядами, в которых читалось одно только слово — прописка. За прописку они горбатились пять-десять лет, чтобы наконец стать москвичами. Но родные Коломна, Устюг и Рыбинск держали новоявленных жителей столицы мертвой хваткой. Долгожданная московская прописка еще никого москвичом не сделала — лимита, она лимита и есть.

Больше везло студентам, женившимся по любви окнами на Кутузовский проспект. Или хотя бы на Заставу Ильича. Они в массе своей быстро матерели, быстро внедрялись в недостижимые сферы и быстро, отнесясь благополучных и оттого беззаботных аборигенов, занимали их места в бляхах, фирмах, редакциях, мафиях. Самые неудачливые пыпились в своих унылых конторах. Самые удачливые скупали стадионы, становились владельцами заводов, газет, пароходов. И так. В 1977 году два мальчика из Пятигорска приехали покорять Москву. Их начальный капитал состоял из ста шестидесяти руб-

лей, банки кизилового варенья и абсолютно гениальных компьютерных мозгов. Перебиваясь на студенческих сухарях, приворо-

Владимира Машкова — не знает ни жалости, ни тоски, ни печали. Только и мелькнет в черно-белых воспоминаниях хмельная юность и череда длинноногих девиц — и Ворошилов опять к компьютеру.

Он и кажется рожденным от компьютера. Потому что если о матери Михаила мы слышим какие-то слова, то о родителях Ивана — ни слова. Полная ему противоположность, Михаил и хмелеет быстро, и с любовными

нию, как Иван. А Михаил, за помощью к которому он обратится, с изумлением узнает в ней свою программу. И, к изумлению Ивана, откажется и за десять тысяч «баксов» выдать банковские шифры.

Грусток бед и несчастий — таким предстает Михаил Вулах в детски наивном и бесконечно трогательном исполнении Евгения Миронова. Он не умеет и не силится даже объяснить своему по-

жих охранников позвонит в обшарпанную его квартиру, и Михаил последний раз в жизни откроит дверь.

И неизвестно, кто из двоих друзей жив, а кто мертв. Недвижно сидящий с пулей во лбу Михаил или вталкивающий в себя водку, плачущий и смеющийся Иван. Камера замечательного оператора Сергея Козлова долго и пристально, на крупном плане запечатлевает все смены настроения и состояния умершего душой Ворошилова Ивана Павловича. Часом, минутой назад слышавший в собственных глазах очень важной персоной, он скукожился до нежити, до существа, чье все дальнейшее ослепительное-пыльное прозябанье будет освещено мертвящей пустотой.

О кинематографе Дениса Евстигнеева, о его рождении и утверждении можно судить по дебютной его картине. Как по дебютам Семена Арановича, Виктора Аристова, Алексея Германа, Романа Балаяна справеливо утверждали о возникновении нового слова, нового стиля, нового языка в кинематографе.

Картину «Лимита» Денис Евстигнеев внес в кинематограф новые понятия и представления — и о кино, и о жизни. В набившей оскомину «чернухе» он рассмотрел совсем иной пласт отношений, быта, благородства и ничтожества, жизни и смерти.

И ко многим печалям, рождавшимся в дни размышлений над этой ни на минуту не отпускающей от себя картиной, прибавлялась еще одна, безутешная: какая несправедливая, что Евгений Александрович Евстигнеев не дожид до триумфа своего сына.

ОЧЕНЬ ВАЖНАЯ ПЕРСОНА

О режиссерском дебюте кинооператора Дениса Евстигнеева

выывая в магазинах еду, развозя в дурацких нарядах Деда Мороза подарки, они прорбились. Каждому свое: попоухому и безнаденно честному Михаилу Вулаху — пыльный банк, удачливому Ивану Ворошилову — водный стадион. В личное пользование.

Иван ни себе, ни Михаилу толком не сможет ответить, зачем он купил стадион. «Чтобы было», — единственно возможный ответ. И чтобы вот эти три буквы — VIP. Что вовсе не означает «very important person» (в просторечии «очень важная персона»). В понимании Ивана — это стадион имени Ворошилова Ивана Павловича.

Хозяин и победитель жизни, Иван — в жестком, доведенном до механистичности исполнении

похождениями у него не ахти: их просто не было, нет и уже наверняка не будет.

Но крайности имеют обыкновение сходитьсь, переплетаться в неразрывную связь, в нерушимую дружбу, которую впрору называть любовью, доведенной до экстаза. И не беда, что у каждого из них свои цели и задачи. Михаил придумывает хитроумные компьютерные программы для банков, которые невозможно вскрыть, а Иван эти ли, другие программы вскрывает: недостатка в заказах и заказчиках не предвидится.

Хранитель банка и грабитель банка, по-братски обнявшись, идут по жизни. До смерти.

Кем-то принесенная дискета не поддается даже такому ге-

бедительному другу, почему не может это сделать. Не может, потому что не может. И все.

Сюжет начинается сбиваться, пробуксовывает, как все время сбивается и пробуксовывает гениальный компьютер гениального Ивана, не умеющего «сжрать» хитроумную программу. Этот заданный сюжетный сбой нагнетается фонограммой и музыкой Эдуарда Артемьева — тревожной, умышленно механизированной и металлизированной. Создается гнетущая атмосфера готовящегося и неминуемого злодейства.

Слишком много знаний заключено в этой дискете, чтобы автор программы мог оставаться в живых. Тот самый безымянный заказчик в сопровождении дю-